

Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние

Автор: С. А. Нефедов

Нефедов Сергей Александрович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Европейские послы и путешественники, приезжавшие в Россию в XVI-XVII веках считали "Московию" страной Востока. "Сравнения с турецкими султанами стали даже общим местом для иностранных писателей при характеристике московского государя", - отмечал В. О. Ключевский¹. "Манеры столь близки турецким", - писал Дж. Турбервилль, а С. Герберштейн и де ла Невиль отмечали, сходство одежды русских, татар и турок². "И поныне у них оказывается мало европейских черт, а преобладают азиатские", - отмечал в 1680 г. Я. Рейтенфельс. Тосканский посол писал о восточной пышности торжеств, об азиатских приемах управления государством и "всем строе жизни", так не похожем на европейский³.

За сто лет до Рейтенфельса в России побывал посол королевы Елизаветы Дж. Флетчер. Ученый дипломат оставил описание страны, исполненное в лучших традициях просвещенной Англии. Флетчер не проводил детальных сопоставлений, но его общий вывод был категорическим: "Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, пытаются подражать по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических"⁴. Что же конкретно имел в виду Флетчер?

Р. Ченслор, открывший морской путь в Россию, оставил после себя мемуары о Московском царстве, в устройстве которого он выделил поместную систему. Благодаря этой системе, писал Ченслор, московский государь имеет великое множество храбрых воинов. "Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними", - таков был вывод английского путешественника⁵.

Поместная система была основой Российского государства. С. Б. Веселовский считал, что эта система появилась на Руси внезапно, в конце XV в., и сразу же получила широкое распространение. Воину за его службу давали от государя поместье с крестьянами, но это владение оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин - "новик" - получал не больше 150 десятин земли - около десяти крестьянских хозяйств. Помещики регулярно вызывались на смотры, и если воин вызывал недовольство командиров, то поместье могли отобрать; если же помещик проявил себя в бою, то "поместную дачу" увеличивали. Воинские

стр. 30

командиры, бояре и воеводы, получали до 1500 десятин, но были обязаны приводить с собой дополнительных воинов - наемных слуг или боевых холопов - по одному человеку с каждых 150 десятин. Дворянин, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на часть поместья - "прожиток". Если сын помещика поступал в службу вместо умершего отца, то он мог наследовать отцовское поместье, но не все, а лишь в тех размерах, которые полагались "новику"⁶.

Поместная система давала возможность Ивану Грозному содержать армию в 100 тысяч всадников - и на Западе не было ничего подобного этой системе. Единственным государством, где существовала такая же поместная система была Турция. В Турции поместье называлось тимаром, а помещик - тимариотом или сипахи. Размеры поместья исчислялись не в десятинах, как в России, а в денежном доходе; начальный тимар, предоставляемый молодому воину, назывался "кылыдж тимаром" ("сабельным тимаром") и обычно давал доход в 1000 акче. 1000 акче - это примерно 10

рублей; по расчетам историков, доходы русского "новика" составляли около 12 рублей ⁷. Так же как в России, турецкие помещики регулярно вызывались на смотры, и если воин вызывал недовольство командиров, то тимар могли отнять; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали за счет добавочных "долей", "хиссе". Сипахи, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на "пенсионную" часть поместья, "текайюд". Если сын поступал в службу вместо отца, то он наследовал не все отцовское поместье, а лишь "кылыдж тимар". Офицеры получали большие тимары с доходом до 20 тысяч акче, но при этом обязывались выставлять дополнительных воинов, "гулямов", из расчета один гулям на полторы-две тысячи акче дохода. Так же как поместье, тимар считался государственной собственностью, и воин имел право лишь на получение денежных сумм, указанных в поземельном реестре, "дефтере" ⁸.

На сходство русских помещиков и турецких тимариотов еще в XVII в. указывали Крижанич и Рейтенфельс; позднее на это сходство обращали внимание такие известные историки, как Р. Г. Виппер и Г. В. Вернадский ⁹. Отмеченные выше детальные совпадения в организации поместной и тимарной систем не оставляют сомнения в том, что русское поместье является копией турецкого тимара, что поместная система была перенята у Османской империи. Когда, почему и при каких обстоятельствах это произошло? И не были ли при этом переняты другие общественные принципы и институты? Может быть, Флетчер имел в виду не только поместную систему?

Ответ на эти вопросы лежит вне пределов традиционного курса русской истории; исследователю следует обратиться к истории Османской империи. Османская империя была построена по законам мусульманской государственности, и поэтому необходимо кратко остановиться на основных принципах этой государственности - прежде всего на принципе справедливости.

В трудах мусульманских государственных деятелей, в том числе в "Книге правления" Низам ал-Мулька, справедливость выступает как основной принцип государственного управления. Великий визирь приводит в пример Хосрова Ануширвана - это был традиционный образ грозного восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью суровых расправ. "Я буду охранять от волков овец и ягнят... - говорил Ануширван. - Я укорочу загибаемые руки и сотру с лица земли зачинщиков разрухи, я благоустрою мир правдой, справедливостью и спокойствием, ибо призван для этой задачи" ¹⁰. "Основа управления есть справедливость, - подчеркивал великий визирь Рашид ад-дин, - ибо, как говорят, доход государства бывает от войска - нет дохода султана, кроме как от войска, а войско можно собрать благодаря налогу - нет войска без налога, а налог получают от райата - нет налога, кроме как от райата, а райата можно сохранить благодаря справедливости - нет райата, если нет справедливости" ¹¹.

Исламский принцип справедливости признавали даже ярые враги ислама: "Они соблюдают правосудие между собой, а так же ко всем своим подданным... - писал серб, вернувшийся из турецкого плена, - ибо султан

стр. 31

хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владывают по справедливости, не причиняя им вреда". "Не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников... - свидетельствует Михалон Литвин. - И знать, и вожди с народом равно и без различия предстают пред судом кадия". Характерно, что в понятие мусульманской справедливости входило не только равенство всех перед законом, но и справедливые налоги и справедливые цены на рынке ¹².

Исламская государственная идея провозглашала господство государства над обществом и преобладание государственной собственности; в частной собственности могло находиться лишь имущество, созданное личным трудом. "Примеры, взятые из образа действий Пророка вместе с некоторыми местами Корана послужили основой странному учению, стремящемуся не больше не

меньше как к полному отрицанию даже самого принципа личной частной собственности", - писал И. Г. Нофаль. Все земли, недра и другие источники богатства рассматривались как общее достояние мусульманской общины.

Поскольку, как сказано в Коране; "все имущества принадлежат только Богу", то они могли быть в любой момент конфискованы властями. Поэтому богатые люди опасались выставлять на глаза свое состояние, золото и ценности прятали в землю, а дома старались строить так, "чтобы не вызвать зависти или подозрений - то есть делали их небольшими и неказистыми"¹³.

Османская империя унаследовала от своих предшественников великие принципы исламской справедливости. Первые турецкие султаны Орхан (1324- 1362) и Мурад I (1362 - 1389), налаживая управление завоеванными территориями, перенимали при этом традиционные порядки мусульманского Востока. Со времен халифата там существовала традиция разделения военных, финансовых и судебных властей; причем духовные судьи, "кади", судили по законам шариата. Все земли разделялись на частные ("мульк"), церковные ("вакф"), государственные ("мири") и личные земли султана ("хассе"); соответственно этому казна разделялась на государственную казну и личную казну султана. Казна и земли султана, дворцовое хозяйство и гвардия составляли султанский двор и имели особое управление¹⁴.

Завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права. Часть населения - прежде всего знать и многие горожане - выселялась с завоеванных земель в коренные османские области, это переселение называлось "сургуч", что в современных словарях переводится как "изгнание". Затем производилась перепись населения и составлялся земельный реестр ("дефтер"), в котором указывалось число хозяйств в деревне и перечислялись полагающиеся с деревни платежи по налогам. Крепостные крестьяне сразу же получали свободу¹⁵.

Все повинности, которые прежде несли крестьяне в пользу своих господ, заменялись одним небольшим денежным оброком, выплачиваемым государству. По окончании переписи утверждалось провинциальное "Кануннаме", сборник законов новой провинции, в котором, в частности, фиксировались налоги и правила землевладения. Некоторые деревни выделялись в тимар воинам-всадникам, и в дефтере (на основе законов) указывались платежи, следующие тимариоту-сипахи. Все действия тимариота контролировались государством, и если он пытался брать лишнее, то крестьяне могли пожаловаться судье-кади и тимар мог быть отнят. Крестьяне были свободными людьми, и их повинности были невелики; основной налог мусульман, "ашар", составлял десятину урожая; немусульмане платили еще "джизью", которая считалась откупом от военной повинности; в целом налоги немусульман составляли примерно четверть урожая. До мусульманского завоевания в Боснии оброки составляли $\frac{3}{5}$ - дохода крестьянина¹⁶.

Султан Сулейман Законодатель (1520 - 1566) требовал от своих пашей "обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжений завидовали их судьбе"¹⁷. Сипахи и санджакбеи должны были следить за состоянием крестьянских хозяйств и, по возможности, обеспечивать их стан-

стр. 32

дартными наделами земли, "чифтами". Многие турецкие историки считают, что сипахи и райаты в конечном счете одинаково работали на государство, а государство всемерно заботилось о своей "пастве". Лорд Кинросс называет реформы, проводившиеся османами на завоеванных землях, "социальной революцией". "Балканские крестьяне вскоре пришли к пониманию того, что мусульманское завоевание привело к его освобождению от феодальной власти христиан. - пишет

Кинросс. - Османизация давала крестьянам невиданные ранее выгоды" ¹⁸ .

Центральное управление империи осуществлялось "диваном" (советом), в который входили главы военной, финансовой и судебной администрации, и который возглавлял великий визирь. Все члены администрации были сменяемыми по воле султана, который сохранял за собой функции главнокомандующего, "меча правоверных" и хранителя справедливости. Османский суд был суровым и скорым; чиновники, обвиненные в вымогательствах, во взяточничестве или казнокрадстве безоговорочно предавались смерти. Во времена Сулеймана Законодателя ко двору ежедневно доставлялось 40 - 50 голов казненных за преступления такого рода; эти головы выставлялись для всеобщего обозрения у входа во дворец Топкапа. Обычным наказанием за мелкие преступления был кнут - "торговая казнь", осуществляемая в присутствии судьи в людном месте, чаще всего на базаре ¹⁹ .

С помощью тимарной системы османы создали многочисленную и сильную кавалерию сипахи, однако секрет их военного могущества заключался не в кавалерии, а в пехоте и артиллерии. При султанах Мураде I были созданы первые подразделения янычар. Это было дисциплинированное и обученное войско, получающее жалование из казны. В Европе еще не было подобных армий.

В первой половине XV в. беи все еще владели дружинами и огромными мульками; они устраивали мятежи и разжигали распри между наследниками султанского престола. В 1402 г. бей изменил султану Баязиду I, и это едва не привело к гибели Османского государства - турки были разбиты Тамерланом, а Баязид попал в плен. Междоусобицы продолжались двадцать лет, и лишь в 1423 г. султану Мураду II (1421 - 1451) удалось подавить мятежи. В своей борьбе со знатью Мурад II опирался на корпус янычар, который в это время стали комплектовать путем набора мальчиков-рекрутов из среды немусульманского населения. Обращенные в ислам и воспитанные в казармах молодые люди назывались "государевы рабы", "капыкулу". Преданность "капыкулу" побудила султана назначать из их среды командиров и чиновников; новое окружение Мурада II состояло из специально обученных в дворцовой школе "государевых рабов". "Не меньшее значение имели обучение и упражнения во дворце... - писал польский посол князь К. Збаражский. - Через это проходили все должностные лица, как через школу, и были образцом для всей земли" ²⁰ . Наивысшей наградой для чиновника-раба были почетные одежды - шуба с султанского плеча.

Отсутствие потомственной знати и сословных привилегий вызывало удивление посещавших Турцию европейцев. "Во всем этом многочисленном обществе, - писал германский посол, - нет ни одного человека, обязанного своим саном чему-либо, кроме своих личных заслуг". "Там нет никакого боярства, - свидетельствовал Юрий Крижанич, - но смотрят только на искусность, на разум и на храбрость". Все были равны перед законом и всем открывались одинаковые возможности для продвижения по службе; многие крупные вельможи были принявшими ислам славянами, албанцами, греками. Большая часть армии говорила по-славянски. Воины - янычары и сипахи - сами выбирали своих командиров из числа самых отчаянных храбрецов ²¹ .

Дисциплина, порядок и мужество янычар помогали им побеждать в сражениях, но настоящая слава пришла к ним тогда, когда в руках "новых солдат" оказалось новое оружие. При Мураде II янычары были вооружены аркебузами - "тюфенгами"; был создан мощный артиллерийский корпус, "топчу оджагы". На свет явилась регулярная армия, вооруженная огнестрельным

стр. 33

оружием. Создание новой армии вызвало волну османских завоеваний. Турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию, на востоке окончательно покорили Малую Азию, а в 1514 г. в грандиозной битве на Чалдыранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Походы султана Селима Грозного (1512 - 1520) в

Сирию и Египет превратились в триумфальное шествие османских армий. Простой народ повсюду приветствовал новые власти, которые отнимали богатства у знати, наделяли землей крестьян и снижали налоги - султан Селим называл себя "служителем бедняков". Горожане Каира подняли восстание и с оружием в руках сражались на стороне турок против своих правителей, мамелюков. После завоевания очередной страны Селим созывал "собор" из представителей всех слоев населения, переделывал землю и устанавливал новые законы. Перед отъездом из Каира он опубликовал воззвание, в котором заявил, что отныне никому не дозволено притеснять феллаха или человека из простого народа²².

Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы Мехмед II нанес решающий удар оппозиционной знати - ее глава визирь Халил-паша был обвинен в государственной измене и казнен. Вслед за этим были казнены многие бей, их владения были конфискованы; как и вакфы, созданные беями и приносившие им доход. В 1470-х годах Мехмед приказал провести по всей стране проверку всех дефтеров и прав владения землями; многие проверяемые документы признавались недействительными; мульки и вакфы отписывались в казну. После этих массовых конфискаций абсолютное большинство земель было отнесено к категории государственных ("мири"). Составление новых дефтеров завершилось утверждением нового свода законов "Канун-наме" (для всех провинций вводились единые налоги и условия землепользования²³).

Влиятельные турецкие беи не смирились с наступлением на свои права; в 1481 г. Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз с знатью. Баязид II вернул беям часть отнятых владений, но его сын Селим I вновь конфисковал вотчины знати. Селима называли Грозным - он выступал в традиционном образе восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью жестоких казней. Наивысшего могущества Османская империя достигла в правление Сулеймана I Законодателя, который завоевал Венгрию и окончательно кодифицировал мусульманское законодательство; в частности, были установлены единые нормы податей и нормы военной службы. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя "рабами" султана, и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене²⁴.

Могущество Османской Империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране в начале XVI в. получил распространение аналогичный тимару институт тиуля; сражаясь с турками, шах Аббас I (1587 - 1629) завел собственных янычар ("туфенгчиев") и артиллерийский корпус ("топханэ"). После окончания войны в 1590 г. Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел справедливые налоги. В 1526 г. правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел Северной Индией; основанная его потомками Империя Великих Моголов имела многие характерные османские черты²⁵.

Молва о могуществе и справедливости турок распространилась и на Западе. Угнетаемые православные в Литве и Польше представляли жизнь в Турции, как райское блаженство. Когда в 1463 г. турки вступили в Боснию, крепостные крестьяне поднялись против своих господ. "Турки... льстят крестьянам и обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону", - писал боснийский король Стефан Томашевич²⁶. Крестьяне ждали прихода турок и в других странах Европы. "Слышал я, что есть в немецких землях люди, желающие прихода и владычества турок, - говорил М. Лютер, - люди, которые хотят лучше быть под турками, чем под императором и князьями"²⁷.

стр. 34

Разыгрываемые на немецких ярмарках "масленичные пьесы" обещали народу, что турки накажут аристократов, введут правый суд и облегчат подати. Итальянские философы-утописты призывали к

переустройству общества по османскому образцу. Г. Кампанелла пытался договориться с турками о помощи и поднять восстание. Османская империя XVI в. была символом справедливости и могущества не только для Азии, но и для Европы. Известные философы европейского Возрождения Ж. Воден и У. фон Гуттен находили в Османской империи образец для подражания. В те времена взоры многих были прикованы к Турции - и Россия не была исключением. Афанасий Никитин одним из первых открыл для Руси Восток, он горячо любил свою родину, но, познакомившись с порядками мусульман, признал, что на Руси нет справедливости. "Русская земля да будет Богом хранима! - писал Никитин тайнописью, по-тюркски. - На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость!"²⁸.

В середине XV в. Русь едва начинала оправляться от долгих междоусобных войн, сопровождавшихся голодом, чумными эпидемиями и разрухой. Хотя Золотая Орда распалась, московские князья, чувствуя свою слабость, продолжали платить дань ее наследникам. Князья не имели ни армии, ни финансовых ресурсов; большая часть земель принадлежала церкви и боярам; их владельцы имели "жалованные грамоты" и пользовалась податными льготами - то есть ничего не платили в казну (или платили лишь малую часть налогов). Боярские и монастырские вотчины обладали также и судебным иммунитетом (кроме крупных преступлений); они были почти независимыми маленькими государствами в государстве. В обмен на льготы бояре и дети боярские были обязаны нести службу, но они плохо выполняли эти обязанности; никаких служебных норм не существовало, с тех, кто не явился на сбор, ничего не могли спросить. Войско великого князя представляло собой нестройное ополчение "всяких людей". К примеру, в 1469 г. Иван III послал на Казань "из Москвы сурожан и суконников и купчих людей и прочих всея Москвичей, кто пригожи, по силе"²⁹. Необходимо было проведение военной реформы, создание сильного войска - и понятно, что советники великого князя искали образец для такой реформы.

В политическом отношении Москва много позаимствовала у Золотой Орды; административная и налоговая системы были построены по восточным образцам. Среди центральных учреждений главные роли играли Казна, ("хазине") и великокняжеский Двор; на местах существовала система кормлений, и наместники собирали в свою пользу дополнительные подати, "корма". Однако, в отличие от восточных государств, великий князь не был самодержавным монархом; со времен Киевской Руси существовал а традиция: князь в важных делах должен был советоваться с боярами.

История России была тесно связана с историей Византии - эти страны соединяли узы общей религии - православия. После падения Константинополя Россия стала последним оплотом греческой веры и сюда устремились беглецы с Балкан. В 1472 г. великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Вместе с Софьей в Россию прибыло много греков, которые видели взятие Константинополя и многое могли рассказать. К. А. Неволин и В. Б. Ельяшевич считали, что Софья и окружавшие ее греки могли подсказать Ивану III мысль о введении поместий по образцу греческой прении. Г. В. Вернадский полагал, что ирония служила образцом как для поместья, так и для тимара. Однако прения не имела таких характерных черт поместья и тимара, как начальный тимар или пенсионный тимар, и относительно прения неизвестны какие-либо нормы снаряжения воинов. К XIV в. институт прении полностью разложился; прения продавалась и покупалась, как частная собственность. Таким образом, прения не могла стать готовой моделью для создания поместной системы; очевидно, что такой моделью был именно тимар. Кроме того, исследования В. И. Саввы показали, что влияние Софьи преувеличивалось современника-

стр. 35

ми; Софья долгое время находилась в немилости и не имела голоса при решении государственных

В первый период правления Ивана III главной целью великого князя было присоединение Новгорода. Решающий шаг был сделан в 1478 г., когда Новгород признал Ивана III своим государем; после мятежа в 1479 году великий князь казнил несколько "великих бояр" из числа заговорщиков и конфисковал их земли. В 1485 г. Иван III овладел Тверью и "велел всех граждан к целованию привести". Великий князь милостиво относится к своим новым новгородским и тверским подданным - как и принято было до сих пор на Руси. Но зимой 1487 - 1488 года произошло нечто неожиданное: в ответ на некий (по-видимому, мнимый) "заговор" Иван III выселил всех зажиточных новгородцев и отправил в Москву 7 тысяч "житьих людей". Это событие летопись назвала "выводом" новгородцев. Практически все земли Новгорода - кроме немногочисленных крестьянских земель - были конфискованы; затем была проведена перепись и осуществлено первое массовое наделение воинов поместьями ³¹ .

Эта небывалая до тех пор на Руси акция в точности соответствовала османским обычаям: из завоеванного города выселяется вся знать, ее земли конфискуются, составляется дефтер и конфискованные земли раздаются в тимары. Русское название этой процедуры "вывод" - не что иное как перевод турецкого термина - "сургун". Характерно, что, как и в Турции, поместья даются подчас людям низкого происхождения, "боевым холопам" (в Турции их называли гулямами). Совпадения отмечаются и в других деталях; например, схема описи в переписных листах и в дефтерах была очень схожей: название деревни, имена дворовладельцев, далее - платежи, следующие с деревни в целом (без разбивки по дворам): денежный оброк, количество поставляемой пшеницы, ржи, овса и т.д. (по объему и в деньгах). При учете земли использовался аналогичный "чифту" стандартный земельный надел, "обжа", а земля, как и в Турции, мерялась через количество высеваемого зерна. Отработочные повинности в переписных листах не упоминались - по-видимому, как и в Турции, они были коммутированы в денежный оброк. На землях помещиков повинности почти не изменялись, на землях, отписанных на государя, оброки переводились на деньги и значительно уменьшались - великий князь, так же как султан, стремился показать, что новый порядок будет основан на справедливости ³² . В конце 1480-х годов перепись проводилась не только в Новгороде: переписывались земли бывшего Белозерского удела, недавно присоединенного к землям великого князя. Проводилась проверка владельческих грамот, и многие земли были конфискованы в казну. В 1490-х годах переписи распространяются на другие уезды; в течение двадцати лет княжеские дьяки описывают уезд за уездом - происходит сплошное описание земель великого княжества. В конце XV - начале XVI в. в России происходит нечто подобное турецкой переписи 70-х годов XV в.; вотчины, правда, не конфисковались, но большинство из них было лишено податных иммунитетов, вотчинники обязывались платить налоги в казну. Одновременно шло наступление на податные привилегии монастырей; более того, ставился вопрос о праве церкви владеть деревнями. Подобно Мехмеду II, Иван III собирался конфисковать церковные вотчины; уже были конфискованы церковные земли в Новгороде и в Перми. Только болезнь, воспринятая как проявление "божьего гнева", удержала великого князя от дальнейших действий ³³ .

Как и Мехмед II, который, проведя перепись, конфисковав мульки и вакфы, распорядился составить сборник законов "Канун-наме", так и Иван III, проведя переписи, распорядился составить Судебник 1497 года - первый российский законодательный кодекс. В Европе в то время не было законодательных кодексов, и вполне вероятно, что идея Судебника пришла из Турции. Судебник был обнародован во время коронации наследника престола Дмитрия Ивановича, и, по мнению Л. В. Черепнина, этим торжественным актом - провозглашалось начало правосудия на Руси. Во время коронации

правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве". Слово "правда" тогда и позже, вплоть до XIX века, понималось как "справедливость"; таким образом, великий князь провозглашал введение законов, направленных на охранение справедливости³⁴. Как тут не вспомнить Афанасия Никитина, который писал, что до тех пор на Руси не было справедливости!

В чем же выражалась "правда" Ивана III? В том же, в чем выражалась "правда" османских султанов. Прежде всего, это равенство всех перед законом: Судебник 1497 года не дает никаких привилегий богатым и знатым. Ничего подобного не было в тогдашней Европе; хорошо известно, что равенство перед законом - это завоевание Великой Французской революции. Далее: Судебник обеспечивает участие представителей общины в суде. Статья 38 гласит: "А без дворского, без старосты и без лутчих людей суда наместникам и волостелем не судити". Чтобы сделать суд доступным для простых людей, пошлины были снижены в пять раз. Категорически запрещаются "посулы" (то есть взятки). Судьям давался строгий наказ быть внимательным к жалобщикам: "А каков жалобник к боярину приидет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа"³⁵. Понятно, что крестьяне больше всего страдали от произвола богатых и сильных, от требований исполнять барщину и платить оброки сверх законных норм.

Таким образом, Судебник Ивана III воспринял основную идею восточного права - идею защиты справедливости. Но еще более удивительно, что Судебник воспринял восточные методы защиты справедливости. "Русская правда" киевских времен не знала столь характерных для Востока жестоких казней и телесных наказаний. В Судебнике Ивана III такие наказания полагаются за многие преступления - специалисты в один голос говорят, что эта практика позаимствована с Востока. Таким образом, Иван III вполне усвоил основной принцип восточной монархии: защита справедливости требует суровых наказаний. "Без такового грозы не мочно в царство правды ввести", - писал полвека спустя Иван Пересветов³⁶.

"Современники заметили, что Иоанн... явился грозным государем на московском великокняжеском столе... - писал С. М. Соловьев, - он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим за ослушание". После 1485 г. Иоанн называет себя "государем всея Руси", а бояре именуют себя "государевыми холопами" - подобно "государевым рабам" в Турции. Летописи больше не сообщают о совещаниях царя с боярами, подобно тому, что имело место в 1471 г. перед походом на Новгород. На коронации Дмитрия-внука в 1497 г. великого князя называют уже не иначе как "самодержцем", а на наследника престола возлагают "шапку Мономаха". Подобно византийскому императору (и турецкому султану) великий князь стремится выступать в роли самодержавного монарха³⁷.

Итак, можно прийти к выводу, что в конце XV в. в России частично перенимались османские порядки: поместная система, переписи, судебные установления. По-видимому, можно говорить о попытке преобразования России по османскому образцу. Эти преобразования в определенной степени можно сравнить с реформами Петра I - в том и в другом случае за образец для реформ бралась наиболее могущественная держава того времени. Чтобы ни у кого не было сомнений, кому следует подражать, Петр I приказал носить европейскую одежду - распоряжение с виду совершенно ненужное, но вполне выявляющее суть событий. Среди законов Ивана III есть подобное с виду совершенно ненужное распоряжение - но оно не оставляет сомнений, кому подражал великий князь. "По свидетельству Иосафата Барбаро, - пишет С. М. Соловьев, - при Иоанне III право варить мед и пиво, употреблять хмель, сделалось исключительной собственностью казны". Простому народу запрещалось употреблять пиво и мед, "исключая самых главных праздников"³⁸.

Однако остается неясным, кто рассказал великому князю о турецких порядках, о поместной системе, о "великой правде" и обо всем остальном, кто подвиг его на реформы. Это не могла быть Софья или ее спутники: от прибытия Софьи в Москву до начала реформ прошло пятнадцать лет. Необходимо присмотреться к событиям, происходившим накануне реформ - в 1483 - 1487 годах. В январе 1483 г. состоялась свадьба наследника престола Ивана Молодого с молдавской княжной Еленой. Молдавия была последним православным княжеством на юге Европы; она вела отчаянную борьбу с турками, и господарь Стефан III пытался заключить союз с Россией. Послы, доставившие Елену, конечно, рассказали Ивану III о положении в Молдавии, о том, что сражаясь с турками, Стефан III заимствовал их тимарную систему. Недостаток источников не позволяет осветить подробности этих реформ, однако известно, что молдавский господарь конфисковал земли многих бояр и раздал их воинам-"витязям". Румынский историк Н. Стойческу прямо указывает на сходство реформ Стефана III и Ивана III ³⁹, и можно предположить, что идею введения поместной системы подсказал Ивану III один из послов, побывавших в Молдавии. Среди этих послов обращает на себя внимание дьяк Федор Курицын, возглавлявший 1482 - 1484 годах посольство в Венгрию и Молдавию. Курицын привез из этой поездки "Повесть о Дракуле", переработанное и переведенное им на русский язык сказание о волошском господаре Владе Цепеше. "Повесть о Дракуле" известна тем, что здесь впервые в русской литературе появляется образ восточного монарха, поддерживающего справедливость посредством жестоких расправ. "И толико ненавидя во своей земли зла, яко кто учинит кое зло, татьбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никак не будет жив", - говорится в повести о порядках, установленных Владом Цепешем ⁴⁰, т.е. о порядках, заимствованных из Турции. Параллели между этими порядками и Судебником 1497 года позволяют специалистам утверждать, что именно Курицын был инициатором введения в Судебник суровых восточных наказаний. Курицына считают одним из руководителей московского правительства тех времен: "Того бо державный во всем послушаше (ибо его князь во всем слушался)", - писал о Курицыне Иосиф Волоцкий ⁴¹. Именно Курицын зачитал в 1488 г. имперскому послу Поппелю знаменитую декларацию московского самодержавия: "Мы божьею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога..." ⁴².

Возвращаясь в 1484 г. из Венгрии в Россию, Курицын был задержан турками в Белгороде на Днестре. Белгород был молдавским городом, и как раз перед этим он захвачен турками. Московский посол оставался в Белгороде довольно долго и должен был увидеть все последствия завоевания: вывод населения, проведение дефтера и испомещение сипахи. В 1485 г. Курицын вернулся в Москву, а зимой 1487 - 1488 г. неожиданно последовал вывод населения из Новгорода и началась поместная реформа ⁴³.

Конечно, идея реформы могла принадлежать разным людям. Федор Курицын принадлежал к "молодому двору", придворной группировке, сложившейся вокруг наследника, Ивана Молодого, и его жены - Елены Волошанки. В эту группировку входили также князья Семен Ряполовский, Иван и Василий Патрикеевы и многие вельможи меньшего ранга. Все эти люди могли узнать об османских порядках непосредственно от княжны Елены - фактом является лишь то, что именно "молодой двор" оказывал на политику Ивана III решающее влияние. Другой, враждебной "молодому двору" группировкой, было окружение Софьи и ее сына Василия; к этому окружению примыкали церковные круги во главе с новгородским епископом Геннадием и игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким. Святые отцы были встревожены тем, что от "молодого двора" исходили проекты конфискаций, затрагивающие и церковные земли. Пострадавший от этих конфискаций епископ Геннадий обвинил Курицына в ереси, в сношениях с обнаруженными в Новгороде "еретиками". Однако Иван III не обращал внимания на эти обвинения; в противовес копившим богатства иосифлянам он стал

поддерживать "нестяжателей", старцев из заволжских монастырей, утверждавших, что монахи должны кормиться от трудов своих⁴⁴.

В 1490 г. умер Иван Молодой - по-видимому, он был отравлен слугами Софьи: великий князь наложил опалу на свою жену, потому что "к ней приходиша бабы с зелием". Наследником престола стал сын Ивана Молодого Дмитрий, который в 1497 г. был коронован в качестве соправителя. Два года спустя началась война с Литвой, и Василий (бывший тогда наместником в Новгороде) поднял мятеж против своего отца. Василий угрожал перейти к литовцам и требовал, чтобы его назначили наследником вместо Дмитрия. Иван III был вынужден согласиться; Дмитрий и Елена были заключены в тюрьму, а "еретики" подверглись гонениям. Дело было, конечно, не в "ереси": Василий хотел под любым предлогом расправиться со сторонниками Дмитрия и Елены. Иван III не мог спасти своих верных сподвижников: с ним случился удар, у него "отняло руку и ногу и глаз"; ему твердили, что это "кара господня" за поддержку "еретиков" и попытки отнять земли у церкви. В Москве и в Новгороде запылали костры; брат Курицына Иван был сожжен в деревянной клетке; о судьбе Федора не сохранилось известий⁴⁵.

Василий III отправил на костер своих врагов, хотя не был принципиальным противником их идей. Уже вскоре после восшествия на престол он попытался примириться с теми из них, кто остался в живых, и приблизил к себе Василия Патрикеева, во времена гонений насильно постриженного в монахи - теперь его звали старцем Вассианом. Вассиан яростно обличал "сребролюбие" "святых отцов" и Василий рассчитывал с его помощью осуществить замысел своего отца - конфисковать и раздать в поместья земли церкви. Война с Литвой требовала увеличения армии, и московское правительство производило новые поместные раздачи. При присоединении Пскова, Смоленска, Рязани Василий III следовал методу, опробованному при овладении Новгородом: "вывод" знати и конфискация земель, а затем испомещение московских дворян. Отбирая земли у бояр, он ссылался на справедливость, говорил, что было "насилъе велико черным и мелким людям от посадников псковских и бояр"⁴⁶.

Приближенные великого князя" временами высказывали те же мысли, что и казненные "еретики". Преемник Курицына, глава ведомства внешних сношений Федор Карпов, писал, что самодержец должен править "грозою правды и закона" и в подтверждение своих мыслей ссылался на Аристотеля. Однако было ясно, что дело не в Аристотеле: боярский сын Берсень прямо ставил в пример Турцию. Он говорил Максиму Греку: "Хотя у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть"⁴⁷.

Василий III продолжал политику своего отца и, подобно Мехмеду II, пытался лишить ее привилегий. По восточному обычаю после смерти государя все жалованные грамоты должны подтверждаться его наследником⁴⁸ - такой обычай существовал и на Руси. Василий III не подтвердил очень многие жалованные грамоты. После переписей Ивана III это был второй удар по вотчинным привилегиям; после этого податные иммунитеты сохранились лишь у сравнительно немногих монастырей, бояр и князей. Иммунитетные привилегии в свое время были пожалованы вотчинникам за их службу, теперь они отнимались - но обязанность служить при этом не отменялась, все вотчинники (кроме мельчайших) были обязаны военной службой. С. Герберштейн свидетельствует, что дети боярские были занесены в списки по областям и едва ли не каждый год призывались на службу. Перед походом нуждающимся выплачивалось жалование, но те, кто обладал достаточными вотчинами, были обязаны снаряжаться за свой счет. Принцип "нет земли без службы", был, по-видимому, заимствован из Турции вместе с поместной системой. В Турции все беи, владевшие землями на правах собственности ("маликяне"), были обязаны выставлять всадников, а те, кто не выставлял воинов, платили деньги. Как свидетельствуют источники середины XVI в., возможность замены службы выплатой денег существовала и в России⁴⁹.

Ко времени правления Василия III относятся сведения о том, что сроки пребывания на должности наместников и волостелей ограничивались одним годом. Практика назначения наместников на короткие сроки была характерной чертой османской системы управления - наместники-бейлербеи назначались обычно на три года, а судьи-кади - на один год. Эта практика было обычной в мусульманском мире; она описана в "Книге правления" Низам ал-мулька. Обращает на себя внимание еще одно мероприятие, проведенное вскоре после смерти Василия III - очевидно во исполнение замыслов великого князя. В 1533 - 1534 годах была проведена монетная реформа, уменьшившая вес русской копейки с 0,79 до 0,68 грамма. Таким образом, копейка было приравнена по весу к турецкому акче⁵⁰.

После смерти Василия III преобразование России по османскому образцу на время приостановилось - начался период боярского правления. Реформы возобновились лишь в 50-х годах XVI в. при Иване Грозном.

Мрачная, но вместе с тем исполненная величия фигура Ивана IV уже не одно столетие приковывает к себе внимание историков. Одни называют царя "тираном", "деспотом", "сумасшедшим", другие утверждают, что это был мудрый политик, любимый народом. Многие пишут о "непонятной", "загадочной" политике Грозного. Еще А. Курбский в начале своего "Сказания" недоумевал: отчего изменился характер государя⁵¹. Почему царь обрушился на своих верных бояр, зачем он ввел опричнину? "Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал", - писал Ключевский. "За последние сто лет ситуация в науке мало изменилась", - добавляет в этой связи Кобрин, опричнина остается загадкой для историков. Веселовский замечал: "Созревание исторической науки движется так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени"⁵².

Между тем, по мнению некоторых историков, источник нововведений Ивана Грозного, в общем, достаточно известен⁵³. Известно, что царь в целом следовал проекту преобразований, который предложил Иван Пересветов. Пересветов был русским дворянином из Литвы, многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки, и советовал царю брать пример с Турции. 8 сентября 1549 г. в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил царю челобитную; эта челобитная содержала "Сказание о Магмете-салтане", в котором рассказывалось, как тот "великую правду в царстве своем ввел"⁵⁴.

"В 6961 (1453) году турецкий царь Магмет-салтан повелел со всего царства все доходы себе в казну собирать, - говорит "Сказание", - а никого из вельмож своих ни в один город наместником не поставил, чтобы не прельстились они на мзду и несправедливо не судили, а наделял вельмож своих из казны царской, каждому по заслугам. И назначил он судей во все царство, а судебные пошлины повелел взимать себе в казну, чтоб судьи не искушались и несправедливо бы не судили... А через некоторое время спустя проверил царь Магмет судей своих, как они судят, и доложили царю про их лихоимство, что они за взятки судят. Тогда царь обвинять их не стал, а только повелел с живых кожу ободрать... А кожи их велел выделать и ватой велел их набить, и написать повелел на кожах их: "Без таковой грозы невозможно в царстве правду ввести". Правда - богу сердечная радость, поэтому следует в царстве своем правду крепить. А ввести царю правду в царстве своем - это значит и любимого своего не пощадить, найдя его виновным. Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы"⁵⁵.

"Великая правда" - это было то, что турки называли "адалет", "справедливость", это была идея, лежавшая в основании исламского учения о государстве. Султан выступал в "Сказании" как охранитель справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково,

царскому собирают". Воинов царь "наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам". "Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст". "Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день ⁵⁶. Пересветов не просто рассказывал о порядках Османской империи - он предлагал брать с них пример. Главное в его проекте преобразований - призыв к утверждению самодержавия, призванного охранять "правду" с помощью "грозы". Конкретные меры - это ликвидация наместнических судов и системы кормлений, создание справедливого суда и нового свода законов, сбор судебных пошлин в казну, наделение служилых людей постоянным жалованием, особый, суд для военных, запрещение закабалить свободных людей. Четыре наиболее настоятельных совета Пересветова - это утверждение самодержавия, установление "великой правды", возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу "умелых стрельцов"-янычар.

Сочинение Пересветова пришлось по душе царю: об этом говорит то, что оно было внесено в Никоновскую летопись и в Хронограф второй редакции ⁵⁷. Но все-таки для православного человека было негоже подражать безбожным туркам, и, уловив настроение сановных читателей, Пересветов посчитал нужным сменить тон. Вскоре после первой челобитной он подал вторую, в которой те же самые мысли высказывались в более осторожной форме и уже не от имени автора, а от имени молдавского "воеводы" Петра. "Воевода" Петр - это был господарь Петр Рареш (1527 - 1546), знаменитый правитель Молдавии, известный тем, что отнимал вотчины у своих бояр, чтобы раздать их в поместья служилым людям. Очевидно по примеру султанских земель "хассе", Рареш выделял государственные земли каждого уезда в самостоятельные "околы", на которых создавалась особая администрация. Конфискации вызвали конфликт с боярами, которые перешли на сторону османов, и Рарешу пришлось бежать из Молдавии. Однако через некоторое время господарь пришел к соглашению с турками и стал вассалом султана; вернувшись на престол, он жестоко расправился с изменниками-боярами ⁵⁸. Таким образом, само упоминание имени Петра Рареша содержало в себе определенную программу действий, и то, что "воевода" Петр выступал в роли советчика Ивана IV было достаточно символично.

Русские цари уже давно подражали османским султанам в управлении государством, но об этом нельзя было говорить вслух. Хваливший османского султана вольнодумец Берсень окончил жизнь на плахе, а друживший с османским послом Максим Грек был заключен в темницу. Призыв Пересветова брать пример с османов был настолько смелым, что никто более не смог его повторить; на эту тему был наложен запрет. Однако в более общей форме мысли Пересветова так часто повторялись в посланиях советников царя Адашева и Сильвестра, что это породило сомнения историков. Возникли предположения, что Пересветова вообще не существовало на свете, что Адашев (тоже бывавший в Турции) использовал псевдоним, чтобы высказать то, о чем не осмеливался сказать открыто. Предполагали и что автором второй челобитной мог быть сам царь. Однако А. А. Зимин, досконально исследовавший этот вопрос, не сомневался в существовании "воинника Иванца Пересветова". Почти все исследователи признают: царь во многом следовал предложениям Пересветова. Н. Ю. Розалиева и А. Айкут отмечают, что методы, предлагавшиеся Пересветовым для утверждения самодержавия и использованные царем, были навеяны примером Мехмеда II ⁵⁹. Однако основной совет Пересветова - брать пример с Турции - носил общий характер. Таким образом, остается рассмотреть вопрос, как далеко зашел царь в исполнении этого совета, как реализовывалась на практике идея подражания султанам. Необходимо шаг за шагом проанализировать нововведения Ивана Грозного, сравнить их как с тем, что предлагал Пересветов,

Главной составляющей реформ Ивана Грозного были военные реформы, в первую очередь - создание сильной армии. Первые мероприятия царя в точности следовали проекту Пересветова. Летом 1550 г. был создан корпус "выборных стрельцов" в 3 тысячи человек; стрельцы получали по 4 рубля в год и жили в Воробьевой слободе под Москвой. Характерно, что на Руси использовали фитильные ружья турецкой конструкции ("мултух"), они отличались от европейских устройством фитильного затвора, который назывался "жагрой" (перс, "жегор" - раскаленный уголь, "жар"). Капитан Маржерет писал позднее, что стрельцы были лучшим войском царя, что никто, кроме стрельцов, не мог противостоять татарской коннице. "Главная сила русских заключается в пехоте, - отмечал Я. Рейтенфельс, - которая совершенно справедливо может быть уподоблена турецким янычарам". Х. Ф. Манштейн, видевший стрельцов в начале XVIII в., отмечал: "их больше всего можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражениях и имели почти одинаковые с ними преимущества". Ф. Тьеполо во времена Ивана Грозного также сравнивал стрельцов с янычарами. Действительно, стрельцы сражались, как янычары, действовали под прикрытием полевых укреплений, образующих лагерь, "кош" (тюрк, "кош" - стоянка, лагерь, "кошун" - войско). Однако тактика янычар была усовершенствована русскими: они стали делать укрепления из сборных деревянных щитов - эти укрепления назывались "гуляй-городом" или "обозом". Рейтенфельс пишет, что укрепления из деревянных щитов раньше использовали персы. Тактика действия из-за укрытий объясняется тем, что стрельцы, как и янычары, не имели в своем составе воинов-копейщиков (пикинеров). В европейских армиях пикинеры и мушкетеры строились в колонны-батальи, которые могли сражаться с конницей в открытом поле ⁶⁰.

Пересветов не упоминает о турецком артиллерийском корпусе "топчу оджагы", однако на Руси хорошо знали о турецких артиллеристах, которые имели такую же регулярную организацию, как и янычары. Созданный Иваном IV корпус пушкарей был организован подобно подразделениям стрельцов. Характерно, что легкие пушки на Руси называли "тюфяками" (то есть "тюфенгами"), а пушкари носили специальный нагрудный знак "алам" (перс, "алам" - знак отличия на одежде) ⁶¹.

Известно, что наряду с гвардейской пехотой ("ени чери оджагы") у турок была и конная гвардия ("алты булук халкы"). Одновременно со стрельцами и пушкарями царь попытался создать конную гвардию - он выбрал тысячу лучших воинов и хотел дать им поместья под Москвой. Однако, из-за нехватки земель для помещения проект создания конной гвардии остался неосуществленным; он был реализован позже - это была знаменитая опричная "тысяча" ⁶². Впрочем, "выборные стрельцы" также не сразу стали личной гвардией царя, поначалу они использовались как обычное воинское подразделение.

Начиная с 1550 г. проводятся мероприятия по приведению в порядок поместной системы, пришедшей в упадок в период боярского правления. В 1555 г. состоялся "приговор царский о кормлениях и службе". В "приговоре" указывались нормы службы: со 150 десятин доброй земли выставлялся человек на коне и в доспехе, "а в дальней поход о дву конь". Поместья предполагалось измерить и уравнивать соответственно "достоинству" ⁶³. В Турции существовали четкие нормы службы, но землю при этом не меряли: норма службы устанавливалась, исходя из дохода поместья. Разница не имела принципиального значения, в любом случае введение нормы службы было кардинальной мерой, завершившей становление поместной системы. Особенно большое значение это нововведение имело в организации службы вотчинников: хотя, в принципе, они были обязаны военной службой, служебных норм не существовало, и бояре выводили со своих огромных владений лишь малое число всадников. Теперь был организован учет, по уездам были составлены нарядные списки и отныне никто не мог уклониться от службы. "И свезли государю списки изо

го, - говорит летопись, - еще прежде сего не бысть так, многие бо крышася, от службы избываше". Эта реформа намного увеличила московское войско. Венецианский посол Фоскарино свидетельствует, что прежде войско было немногочисленным, но преобразования "императора Ивана Васильевича" увеличили его до огромных размеров: он сам будто бы видел две армии по 100 тысяч человек каждая. По более надежным сведениям Флетчера, "число всадников, находящихся всегда в готовности", достигало 80 тысяч человек, но в случае необходимости каждый дворянин мог привести с собой одного или двух "боевых холопов" ⁶⁴. Великий визирь Мухаммед Соколлу говорил послам Стефана Батория, что царь силен, что с ним может померяться силами только султан ⁶⁵. Таким образом, военные реформы Ивана Грозного достигли своей цели - была создана мощная армия, которая позволила России намного расширить свою территорию, стать великой державой того времени.

Многие авторы ⁶⁶ отмечают, что идея приведения в порядок поместной системы никак не отражена в проекте Пересветова - он вообще ничего не говорил о помещиках и сипахи, предлагая содержать воинов на жалованье (как содержались янычары). Однако отсюда не вытекает (как считает А. Г. Бахтин), что Пересветов предлагал отказаться от поместной системы - просто "воинник" обошел стороной этот вопрос. Поместная система уже существовала, и Пересветов нигде не утверждал, что ее нужно упразднить; он предлагал завести новое стрелецкое войско не взамен, а в дополнение к поместному ополчению.

Один из наиболее настоятельных советов Пересветова - выдвигать служилых людей по заслугам, а не по знатности. В Османской империи, действительно, "не было никакого боярства, но смотрели только на искусство, на разум, на храбрость". Иван IV старался поддерживать идею вознаграждения по заслугам. Штаден отмечал, что если воин был ранен в бою спереди, то он получал придачу к поместью, если же он был ранен в спину, то поместье убавляли ⁶⁷. Однако обычай местничества не допускал назначения неродовитых служак на высокие посты. В 1550 г. царь отменил местничество в полках во время военных походов, но большего он сделать не смог. Частичная отмена местничества вызвала резкое недовольство знати. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: "Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей" ⁶⁸. Ростовский стал одним из организаторов заговора 1553 года.

Одновременно с военными проводились и гражданские реформы. В июне 1550 г. появился новый Судебник. Основной целью введения нового свода законов было установление "великой правды" - справедливости. Это была главная идея Пересветова, которая, как уже отмечалось, являлась идеологической основой ("адалет") Османской империи. Заимствование этой идеи началось еще при Иване III, поэтому его внуку не пришлось много менять в старых законах. Тем не менее, Иван IV счел нужным увековечить свое правление новым Судебником - подобно своему современнику султану Сулейману Законодателю, увековечившему себя новым "Канун-наме". Следует отметить, что среди нововведений Судебника 1550 года было запрещение "холопить" детей боярских, что совпадало с проектом Пересветов ⁶⁹.

Современники единодушно свидетельствуют: Иван IV искренне стремился утвердить на Руси правосудие и справедливость. Фоскарино и Горсей говорят о том, что царь установил правосудие с помощью простых и мудрых законов ⁷⁰. Штаден также отдает должное Ивану Грозному: "Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны... - свидетельствует Штаден. - Он хотел устроить так, чтобы правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов". Иногда царь демонстративно принимал облик восточного монарха, поддерживающего

справедливость с помощью жестоких расправ. Флетчер рассказывает: когда один дьяк принял взятку в виде наштигованного деньгами гуся, царь приказал своим палачам разделить дьяка, "как разделявают гусей". По словам Барберини, царь приказывал сечь уличенных во взятках чиновников - и даже знатней-

стр. 43

ших из бояр; среди чиновников не было ни одного, которого ни разу бы не высекли ⁷¹.

Одним из главных пунктов программы Пересветова была ликвидация наместничеств и сбор "кормов" в казну. Мероприятия в этом направлении проводились постепенно, начиная с 1550 года. В "приговоре" 1555 г. царь обвинял наместников в том, что они были для своих городов гонителями и разорителями; отныне наместники заменялись губными старостами, выбираемыми местным населением; этим старостам особо предписывалось, чтобы у них "насильства христианом от сильных людей не было" ⁷². Псковская летопись отмечает, что в результате этой реформы "бысть крестьянам радость и льгота велика" ⁷³. Корма, которые, прежде собирали наместники, теперь шли в казну. "Приговор" был не законом немедленного действия, а скорее программой преобразований. Проведение "губной реформы" наталкивалось на сопротивление знати, не желавшей расставаться со своими кормлениями, поэтому реформа растянулась на десятилетия; в пограничных областях наместничества так и не были ликвидированы ⁷⁴.

Важная сторона губной реформы заключалась в том, что она передавала судебную власть в руки выборных местных властей - то есть вводила местное самоуправление. Пересветов пишет в "Сказании", что, отстранив наместников, Магмет-салтан "назначил судей" во все царство. Московские реформаторы не назначали судей, а предоставили право выбирать их общинам. Это решение как будто противоречит проекту Пересветова, но в Турции существовала и другая судебная система. На славянских землях самоуправляемые общины и округа сами выбирали своих старост ("кнезов"), которые одновременно были и судьями. Вероятно, московские реформаторы предпочли образец более близкий православному славянскому миру. Однако компетенция местных судей была ограниченной: Пересветов упоминает, что в Турции воины-сипахи судились своими воинскими судьями ("кадиаскерами"). В России помещики также исключались из сферы действия местных судей, они подлежали компетенции судей Разрядного приказа ⁷⁵.

Отмена наместничеств и сбор кормов в казну означали реформу налоговой системы, которая, как и установление служебных норм, упиралась в проблему измерения земель: служба и налоги шли с земли. В прежние времена землю клали в податные единицы - "сохи" - в значительной мере произвольно, теперь была введена стандартная "соха", зависевшая от качества земли. Был проведен кадастр: все поля, луга, леса были измерены и соответственно качеству земли поделены на "сохи"; каждой "сохе" был присвоен номер. Измерение земель было чисто русской новацией: в Турции землю не меряли (точнее, размер полей оценивался по объему высева). Проведение кадастра было достижением русских писцов; подобным достижением могли бы похвалиться только китайские чиновники и в более ранние времена - византийцы. П. Н. Милюков считал, что русская податная система сложилась под византийским влиянием ⁷⁶.

В связи с измерением земель были введены государственные стандарты мер и весов. Это обстоятельство также удивляло многих иностранцев: в те времена государственный стандарт мер существовал только в Османской империи и в Китае. Русская система мер (как и монетная система) была привязана к турецкой; простая сажень была приравнена к 2 турецким аршинам, косая сажень - к 3 аршинам. Вес измерялся в пудах и контарях, русский контарь составлял 0,7 турецкого контаря; в таком же соотношении находились русский пуд и турецкий батман ⁷⁷. (Разница объясняется, по-видимому, тем, что в одну и ту же емкость наливали воду и насыпали зерно: русский контарь - вес

зерна, турецкий - воды.)

Налоговая реформа не ограничивалась передачей наместничьих кормов в казну; она привела к полной перестройке податной системы. Пересветов не затрагивает этой темы, однако известно, что турецкая налоговая практика включала коммутацию отработочных повинностей; это была характерная черта османской податной системы. Начиная с 1551 г. московское правительство

стр. 44

также осуществляет коммутацию отработочных повинностей. Ямская повинность, военная служба "с сох" и прочие повинности заменяются выплатой денег; отныне крестьяне платят в 4 раза больше, чем прежде. Трудно сказать, насколько эквивалентной была эта замена, однако даже после четырехкратного увеличения денежных выплат государственные налоги не превышали 9% крестьянского дохода. С государственной точки зрения коммутация была вполне оправданной: набравшиеся "с сох" крестьяне-ополченцы были практически непригодны для войны, по своим воинским качествам они не шли в сравнение с поместной конницей. Вместо крестьянской службы реформа давала правительству деньги, которые пошли на финансирование нового войска. Налоговая реформа (в сочетании с поместной реформой) обеспечила создание огромной армии Ивана Грозного. В связи с налоговой реформой упомянем и о сдаче косвенных налогов (тамги) на откуп крупным купцам (сдача таможенных и рыночных сборов на откуп была характерна для налоговой практики Османской империи)⁷⁸.

Московское правительство пыталось провести еще одну реформу, не затронутую в проекте Пересветова. Речь идет о попытке конфискации монастырских земель с целью наделения воинов поместьями. Владения церкви составляли примерно треть земель государства, при этом в силу тарханских грамот многие из них были освобождены от налогов. Как отмечалось, первую попытку конфискации монастырских земель предпринял еще Иван III (вероятно, по примеру Мехмеда II). Иван IV собирался повторить эту попытку. По совету Сильвестра царь обратился к патриарху и церковному собору с вопросом, достойно ли монастырям приобретать земли и копить богатства. В ответ иерархи церкви объявили вероотступником всякого, кто покушается на ее богатства. Иван IV был вынужден отступить. Но правительство нашло способ перераспределения церковных доходов в свою пользу. Церковь была лишена прежних налоговых привилегий (тарханов), и монастыри были обязаны платить налоги по ставке, лишь немного уступавшей ставке налога с государственных ("черных") земель⁷⁹.

Еще одно направление реформ было связано с организацией центральных ведомств, "приказов". Налоговая и поместная реформа, земельный кадастр, нарядные книги - все это требовало учета и контроля, создания новых специализированных ведомств, приказов. Над каждым приказом начальствовал думный боярин, но бояре плохо разбирались в делопроизводстве и в действительности главой приказа был опытный и грамотный дьяк. Дьяки обычно были незнатными людьми, но тем не менее, были включены в состав думы и стали "думными дьяками". Это выдвижение хуродных чиновников вызывало негодование у родовитых бояр. Курбский говорил, что писарям русским царь "зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих"⁸⁰.

Выдвижение на первые места неродовитых чиновников относится к началу 60-х годов. К этому времени в правительстве произошли большие перемены, Адашев и Сильвестр попали в опалу; первыми советниками царя теперь были знаменитый воевода Алексей Басманов, царский шурин Михаил Черкасский и дьяк Иван Висковатый. Последний принадлежал именно к тем писарям из "всенародства", возвышение которых вызывало ярость бояр. Он руководил Посольским приказом, а затем вошел в состав думы и стал "печатником". Характерно, что Г. Штаден считал И. Висковатого туркофил ом. Как бы то ни было, опала Адашева и Сильвестра мало что изменила, реформы не

закончились, как полагают некоторые историки; они продолжались в том же направлении. В 1562 г. появился указ, запрещающий продажу родовых княжеских вотчин; в случае отсутствия прямого наследника вотчины отбирались в казну. Вслед за отменой кормлений, обязательством платить налоги и выставлять воинов, этот указ был новым шагом, ущемляющим интересы знати. Фактически речь шла о частичной конфискации боярских земель (выморочных вотчин)⁸¹.

стр. 45

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, объясняющее суть конфликта. По переписям 40-х годов примерно треть земли в центральных уездах принадлежала церкви, треть составляли вотчины (преимущественно боярские) и треть принадлежала государству⁸². Лишь эта последняя треть могла быть роздана (что и было сделано) в поместья воинам-дворянам, а между тем военная необходимость требовала испомещения новых всадников. Церковь не выставляла воинов и неоднократные попытки конфискации ее земель завершились неудачей. Бояре должны были выставлять всадников со своих земель, но они противились этому. Между тем, перед глазами царя был пример конфискации мульков Мехмедом II; в Турции не было огромных княжеских вотчин и княжеских дружин. В начале 60-х годов царь начинает выказывать недовольство сложившимся положением, в письме к Курбскому он говорит о том, что в свое время Иван III отнял у бояр вотчины, а потом их "беззаконно" вернули знати⁸³. Таким образом, новое направление царской политики подразумевало частичную конфискацию боярских вотчин и испомещение на этих землях верных царю дворян. Указ о конфискации выморочных вотчин был свидетельством начавшегося наступления на боярское землевладение. Естественно, он не мог не вызвать противодействия знати. Есть известие, что при обсуждении указа "князь Михаиле (Воротынский) царю погрубил"⁸⁴.

Одним из пунктов программы Пересветова было завоевание Казанского ханства. Взятие Казани стало первой победой новой армии Ивана IV; пушки разрушили стены крепости, а при штурме особо отличился корпус стрельцов. Подобно взятию Константинополя Мехмедом II, эта победа имела огромное значение. При встрече царя в Москве Ивану IV были оказаны необычные почести. "И архиепископ Макарий со всем собором и со всем христианским народом перед царем на землю падают и от радости сердечныя слезы изливающе", - говорит летопись. После взятия Казани произошло то же, что и после овладения Новгородом, Псковом, Рязанью и другими городами: по обычаю, заимствованному из Турции, был организован "вывод" ("сургун"): местная знать была выселена из завоеванных земель в центральные районы государства. В Казанской земле была произведена опись, и новые земли были розданы в поместья русским воинам⁸⁵.

Так же как османские султаны, Иван Грозный наделил переселенных иноплеменников - бывших врагов! - поместьями, и они верно служили своему новому повелителю. Как и султан, царь проявлял терпимость в вопросах веры; мусульмане могли строить мечети, имели своих судей-кади. После взятия Казани в подданство могущественному московскому государю добровольно перешли бывшие союзники и вассалы казанских татар - татары сибирские, черкесы и ногайцы. Русская армия пополнилась многочисленным мусульманским воинством, а татарские и черкесские князья заняли почетное положение среди ее командиров. В первом походе на Ливонию русскими войсками командовал казанский хан Шейх-Али, а командиром передового полка был царевич Тохтамыш; о соотношении численности русских и мусульманских контингентов можно судить по тому, что в походе 1578 г. участвовало 10 тысяч уруских и 7 тысяч татарских всадников (но было еще 15 тысяч русской пехоты⁸⁶.)

Включение в состав Московского царства многочисленных мусульманских народов привело к усилению влияния исламской культуры. Именно это обстоятельство, по мнению Я. Пеленского, привело к перениманию Москвой тюрко-мусульманских социально политических институтов. Завоевание обширных областей всегда сопровождается частичным перениманием обычаев и порядков покоренных народов. Этот процесс хорошо известен историкам, Е. Аштор в

фундаментальном труде о истории Ближнего Востока назвал его "симбиозом". Однако в данном случае перенимание началось гораздо раньше - завоевание Казани было лишь одним из факторов, способствовавших этому. Тем не менее, появление при царском дворе большой группы татарских и черкесских князей, безусловно, сыграло свою роль. В 1558 г. черкесский

стр. 46

князь Темрюк прислал в Москву - вероятно в качестве заложников - своих сыновей Булгуроку и Салтанкула. Молодой Салтанкул понравился царю, Иван дал ему имя Михаила, велел его крестить и учить русской грамоте, а затем женил на дочери знатного боярина Василия Михайловича Юрьева, племянника царицы Анастасии. После смерти Анастасии ее родня, чтобы не утратить влияния, постаралась найти царю "свою" невесту и договорилась с Михаилом Черкасским женить царя на одной из его сестер. Летом 1561 г. Михаил привез царю княжну Марию, которая настолько очаровала Ивана, что он без промедления сыграл свадьбу. Таким образом, князь Михаил Черкасский породнился с царем и стал одним из его ближайших советников. Бояре с самого начала ненавидели Марию и ее брата - они опасались их влияния на царя. Как мы увидим, эти опасения были не напрасными ⁸⁷.

Ко времени появления Марии при царском дворе отношения Ивана Грозного и бояр были уже напряженными до крайности. Князь Д. Вишневецкий "отъехал" в Литву, глава думы князь Иван Вельский был уличен, что собирается последовать его примеру. Однако дума не позволила царю судить изменника - в этом и в других столкновениях проявилось реальное соотношение сил: царь не мог настоять на исполнении своей воли. Число перебежчиков увеличивалось, измена среди военного руководства привела к разгрому русской армии на реке Улле ⁸⁸.

В этой ситуации Иван Грозный сделал решительный шаг: в декабре 1564 г. он покинул Москву и, угрожая отречением от престола, предъявил ультиматум Боярской думе. Он снова обвинил бояр, что они делали "многие убытки" народу, не только не радели о православном народе, но и чинили насилия "крестиянам", что "в его государские несовершенные лета" они "земли его государские себе разоимали, и другом своим и племенником его государские земли раздавали", в результате чего держат за собой "поместья и вотчины великие". Царь говорил и об изменах, жаловался, что ничего не может поделать с изменниками: едва он захочет "понаказать" боярина, как в защиту того выступает дума и митрополит. Одновременно царь писал московским посадским людям, объясняя, что его гнев обращен против изменников-бояр, а на них, посадских людей гнева и опалы нет. Послание царя вызвало в Москве народные волнения - может быть, правильнее сказать, восстание. Возбужденные толпы горожан окружили митрополичий двор, где собралась Боярская дума. Представители народа, допущенные к боярам, заявили, что они будут просить царя, чтобы тот "государства не оставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял". Таким образом, народ встал на сторону царя. Митрополит и бояре были вынуждены просить милости у царя; они согласились предоставить монарху неограниченные полномочия и выдать "изменников" ⁸⁹.

Царь стремился предстать в образе защитника справедливости - и ему это удалось". При поддержке народа Иван IV стал самодержцем. Это было исполнение заветов "воинника Иванца Пересветова". Но дальше начинается нечто странное. Царь вводит "опричину", делит государство на две части с разным управлением. Только что ставший самодержцем, он зачем-то передает управление "земщиной" (основной частью государства) Боярской думе, которая становится земской думой, в опричнине же появляется своя - опричная - дума, своя казна и свое маленькое войско - тысяча конных опричников и 500 стрельцов.

"В этих действиях царя историки справедливо усматривали нечто загадочное и непонятное,... - писал В. И. Корецкий. - Все попытки осмыслить загадочные действия Ивана IV... носят весьма

приблизительный характер; главное в них то, что они ведут нас в сторону Востока". Действительно, в истории создания опричнины с самого начала просматривается "восточный след". Опричник Штаден в своих записках утверждал, что царь учредил опричнину по совету своей жены Марии-черкешенки. Князь Курбский также отмечал, что перемена в поведении русских князей произошла от влияния "злых жен-чародеиц". По другим сведениям, совет ввести опричнину исхо-

стр. 47

дил от боярина В. М. Юрьева, тестя Михаила Черкасского. Известно, что после введения опричнины царь оставил свой дворец в Кремле и переехал на подворье князя Михаила, который стал одним из командиров опричного корпуса. Таким образом, говоря об инициаторах опричнины, источники указывают на один круг людей - черкесскую родню царя⁹⁰.

Московские летописи переводят старое слово "опричнина" как "особый двор"; позже, когда это слово было запрещено, опричнину именовали просто - "двором". Черкесы хорошо знали, что такое "двор" - двор османских султанов - это было государство в государстве со своей казной и маленькой армией, составленной из гвардейских частей. Земли, выделенные в обеспечение двора, именовались "хассе". Как в Турции, так и в других мусульманских странах, государство делилось на две части, "хассе" и "дивани". "Это разделение аналогично разделению России на "земщину" и "опричнину"... - писал известный востоковед И. П. Петрушевский. - Слово "опричнина", и есть, в сущности, хороший русский перевод слова "хассе"⁹¹.

Таким образом, секрет "странного учреждения" в действительности хорошо известен специалистам-востоковедам. В Персии "земская дума" называлась "диван ал-мамалик", а "опричная дума" - "диван-и хассе". Разделение государства на "опричнину" и "земщину", было характерно и для зависевших от Турции православных балканских княжеств; вспомним, что "советчик" Ивана Грозного господарь Петр Рареш выделил во всех уездах опричные "околы". На Руси земли "хассе" под названием "дворцовых земель" в большом количестве появились еще при Иване III - и уже тогда эти земли находились под особым управлением⁹². Именно "дворцовые земли" в первую очередь брались в опричнину и, по-видимому, они составили основной массив опричной территории. Таким образом, Иван Грозный не был создателем "опричнины"- "хассе", он лишь придал этому учреждению завершённые формы.

Современники видели засилье татар и черкесов в окружении царя, и некоторые понимали смысл советов, которые давали Грозному его приближенные. Это видно из ключевого эпизода ссоры, разгоревшейся между царем и митрополитом Филиппом. Однажды Филипп заметил, что в церкви рядом с царем стоял опричник в мусульманской шапке, "тафье", - митрополит не удержался и воскликнул: "Се ли подобает благочестивому царю агарьянский закон держати?"⁹³ то есть фактически обвинил царя в перенимании мусульманских порядков. Царь, прежде терпеливо сносивший обличения Филиппа, на этот раз пришел в ярость и распорядился свести митрополита с кафедры.

По османской традиции султан не вмешивался в управление "земщиной", если он посещал заседания дивана, то наблюдал за его работой из-за занавески. Тем не менее, монарх мог в любой момент приказать казнить любого из членов дивана. За государственные преступления сажали на кол, при этом истреблялись все родственники преступника. Такие наказания не применялись на Руси в прежние времена, но с опричниной начинается время наводивших ужас восточных казней. Царь распорядился казнить многих "изменников", но настоящая цель его политики заключалась, конечно, не в казнях. Хорошо известно, что делали султаны с завоеванными областями и что сделал Иван III с Новгородом - теперь Иван IV делает это со всей Россией. Начинается грандиозный "вывод", "сургун". "Представители знатных родов, - пишут И. Таубе и Э. Крузе, - были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от праотцев имений, так что не могли...

взять с собой даже движимое имущество... Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также изгнаны и должны были идти пешком к своим мужьям и отцам, питаясь по пути подаянием". Р. Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были "выведены" в Казанскую землю; едва ли не большинство этих ссыльных имело княжеские титулы⁹⁴.

"Великий вывод" нанес решающий удар княжеской и боярской знати. Хотя через некоторое время сосланным было дозволено вернуться в Москву,

стр. 48

мало кто из них получил назад свои земли. Флетчер так писал об изменении положения бояр при Иване IV: "Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими..."⁹⁵.

Конфискация огромных боярских вотчин и торжество принципа "нет земли без службы" означали фактическое огосударствление земельной собственности. Отсутствие частной собственности на землю было "ключом к восточному небу", той чертой, которая отличала Запад от Востока; это было главное, чем отличались европейские феодальные монархии от восточных империй. Но движимая собственность тоже принадлежит Богу: "Все имущества принадлежат только Богу". "Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю, - свидетельствовал Рейтенфельс, - и прячут все, что есть у них дорогого, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидев, не позавидовали бы... И это одна из главных причин тому, что Москва до сих пор... не отличается красотой своих зданий"⁹⁶.

Было что-то символическое в том, что русская знать была выведена в Казань - еще недавно казанская знать была выведена в Россию, теперь все было наоборот - как будто победителями в конечном счете были татары. Как обычно, при "выводе" земли изгнанной знати отписывались в казну и тут же раздавались в поместья новым дворянам. В этом и состоял смысл опричных мероприятий - конфискация боярских земель была необходима для увеличения армии в решающий момент Ливонской войны. Война была тяжелой: события обернулись так, что России пришлось сражаться одновременно с ливонцами, Швецией, Литвой и Крымом. Борьба за Поволжье не окончилась со взятием Казани, теперь она вступила в новый этап. Весной 1571 г. хан Девлет-Гирей объявил "священную войну" против Руси, и мусульманские подданные царя Ивана сразу же перешли на сторону крымцев. Все Поволжье было охвачено грандиозным восстанием. В походе на Москву принимала участие Ногайская орда и черкесы во главе с тестем царя ханом Темрюком. Царица Мария Темрюковна к тому времени уже умерла (царь говорил, что ее отравили), но брат Марии Михаил Черкасский командовал передовым полком русской армии. Мстя за измену отца, царь приказал убить Михаила; черкесы и татары исчезли из свиты царя - и вместе с ними исчезла "опричина". Царь запретил произносить это слово, корпус опричников был переформирован - но в действительности он сохранился в виде гвардейского полка "стремянных стрельцов"; сохранились и дворцовые земли⁹⁷.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что реформы Ивана IV были направлены на преобразование России по образцу самой могущественной державы того времени - Османской империи. Проект Пересветова содержал лишь идею этих реформ, он был черновым наброском - возможно, одним из многих предложений в этом духе. Сама идея витала в воздухе достаточно давно, и первые шаги к ее

воплощению были предприняты еще Иваном III. Разумеется, реформы не сводились к простому перениманию турецких порядков; в ходе их имели место инновации и отступления от образца, как было, к примеру, с измерением земель. С другой стороны, некоторые преобразования натолкнулись на противодействие, прежде всего со стороны бояр, и остались незавершенными. В конечном счете реформы приняли характер сложного социального синтеза, "симбиоза"; порядки, заимствованные извне, синтезировались с местными порядками и трансформировались в новое социальное единство.

стр. 49

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 58.
2. ГОРСЕЙ Дж. Записки о России XVI - начала XVII века. М. 1990, с. 258; ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1990, с. 117; НЕВИЛЬ, де ла. Любопытные и новые известия о Московии. - Россия XV-XVII веков глазами иностранцев. Л. 1986, с. 518.
3. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. Сказание о Московии. - Утверждение династии. М. 1997, с. 350.
4. ФЛЕТЧЕР Д. О государстве Русском. СПб. 1906, с. 25.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1937, с. 61.
6. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М. 1947, с. 281, 306 - 312.
7. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI века. Л. 1971, с. 336.
8. Аграрный строй Османской империи в XV-XVII веках. Документы и материалы. М. 1968, с. 22 - 23, 101, 111.
9. РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. ук. соч., с. 332; КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 124; ВИППЕР Р. Г. Иван Грозный. М. 1944, с. 9; VERNADSKY G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History. - Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences. 1945. Vol. XXXVI, p. 24 - 36; См. также: БРОДЕЛЬ Ф. Время мира. М. 1992, с. 456; КАМЕНСКИЙ А. Б. От Петра I до Павла I. М. 1999, с. 149.
10. Сиасет-наме. Книга о правлении визира XI столетия Низам ал-Мулка. М. -Л. 1949, с. 14, 16, 25, 41.
11. Цит. по: ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М. 1960, с. 56.
12. Записки янычара. М. 1978, с. 44, 112; Михалон ЛИТВИН. О нравах татар, литовцев и москвитян. М. 1994, с. 69; ГАСРАТЯН М. А., ОРЕШКОВА С. Ф., ПЕТРОСЯН Ю. А. Очерки истории Турции. М. 1983, с. 52.
13. НОФАЛЬ И. Г. Курс мусульманского права. О собственности. СПб. 1886, с. 4, 7; Сура "ат-Тауба". Коран. IX. 34 - 35; ИВАНОВ Н. А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама. - Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М. 1982, с. 54- 55.

14. An Economic and Social History of Ottoman Empire. 1300 - 1914. Cambridge. 1994, p. 11 - 23.

15. ТВЕРИТИНОВА А. С. К вопросу о крестьянском землепользовании в Османской империи (XV-XVI вв.). - Ученые записки Института востоковедения. Т. 17. М. 1959, с. 9; ОРЕШКОВА С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества. - Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М. 1986, с. 12.

16. ФРЕЙДЕНБЕРГ М. М. Крестьянство в Балкано-Карпатских землях (Сербия, Хорватия, Болгария, Дунайские княжества) в XV-XVI вв. - История крестьянства в Европе. Т. 2. М. 1986, с. 463 - 465; ГАСРАТЯН М. А., ОРЕШКОВА С. Ф., ПЕТРОСЯН Ю. А. ук. соч., с. 43; ЕРЕМЕЕВ Д. Е., МЕЙЕР М. С. История Турции в средние века и новое время. М. 1990, с. 104.

17. Цит. по: ИВАНОВ Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516 - 1574. М. 1984, с. 207.

18. МЕЙЕР М. С. Вопросы аграрных отношений в Османском государстве XIV- XV вв. в современной советской и зарубежной историографии. - Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М. 1988, с. 36 - 37; Лорд КИНРОСС. Расцвет и упадок Османской империи. М. 1995, с. 50.

19. ИВАНОВ Н. А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма. - Народы Азии и Африки, 1976, N 3, с. 65.

20. ЕРЕМЕЕВ Д. Е., МЕЙЕР М. С. ук. соч., с. 120; ЗБАРАЖСКИЙ К. О состоянии Османской империи и ее войска. - Османская империя в первой четверти XVII века. М. 1984, с. 150- 151.

21. Цит. по: ИВАНОВ Н. А. О типологических особенностях, с. 63, 64; КРИЖАНИЧ Ю. Русское государство в половине XVII века. Ч. 1. М. 1859, с. 87.

22. ИВАНОВ Н. А. Османское завоевание, с. 18 - 20, 38 - 39; КАМЕНЕВ Ю. А. К истории реформ в османской армии. - Тюркологический сборник, 1978. М. 1984, с. 140 - 142.

23. ГРАДЕВА Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления. - Османская империя. Государственная власть и социально- политическая структура. М. 1990, с. 46, 47, 49; РАНСИМЕН С. Падение Константинополя в 1453 году. М. 1983, с. 150.

24. ГАСРАТЯН М. А, ОРЕШКОВА С. Ф., ПЕТРОСЯН Ю. А. ук. соч., с. 51; САЛИМЗЯНОВА Ф. А. Люфти-паша и его трактат "Асаф-наме". - Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М. 1981, с. 103; Аграрный строй Османской империи, с. 22.

стр. 50

25. ПИГУЛЕВСКАЯ Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л. 1958, с. 256, 273, 276, 280; История Индии в средние века. М. 1968, с. 36, 382.

26. Цит. по: История Югославии. Т. I. М. 1963, с. 136; О "туркофильстве" Европы и Московской Руси в XVII веке см.: КРЫМСКИЙ А. История Турции и ее литературы. М. 1910, с. 155.

27. Цит. по: ЕГОРОВ Д. Н. Идея "турецкой реформации". - Русская мысль, 1907, N 7, отд. II, с. 6.

28. Цит. по: ЛУРЬЕ Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI

века. М. -Л. 1960, с. 394; ИВАНОВ Н. А. Османское завоевание, с. 18.

29. ПСРЛ. Т. 12, с. 121.

30. НЕВОЛИН К. А. История российских гражданских законов. Т. II. СПб. 1851, с. 195; ЕЛЪЯШЕВИЧ В. Б. История права поземельной собственности в России. Т. I. Париж. 1948, с. 369; VERNADSKY G. Op. cit, p. 34; КАЖДАН А. П. Аграрные отношения в Византии XIII- XIV веков. М. 1952, с. 219; САВВА В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков. 1901.

31. ПСРЛ. Т. 12, с. 218, 220; Т. 13, с. 220 - 221.

32. Аграрный строй Османской империи, с. 158; Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 1 - 6. СПб. 1895 - 1915; Аграрная история Северо-Запада России, с. 143, 173, 373. На Руси четверть земли - это участок, на который высевается четверть зерна, в Турции мудлик - это участок, на который высевается мудд зерна.

33. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб. 1998, с. 132 - 149; ЗИМИН А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М. 1982, с. 208, 259; КАШТАНОВ С. М. Социально-политическая история России конца XV - начала XVI века. М. 1967, с. 189 - 190; ФЛОРЯ Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV - первой половине XVI века. - История СССР, 1972, N 1, с. 56 - 59.

34. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 2. М. 1951, с. 325; ПСРЛ. Т. 12, с. 248; ЮРГАНОВ А. Л. Идеи Пересветова в контексте мировой истории и культуры. - Вопросы истории, 1996, N 2, с. 20.

35. Цит. по: ЧЕРЕПНИН Л. В. ук. соч., с. 285, 282; ЛУРЬЕ Я. С. Русские современники Возрождения. Л. 1988, с. 128.

36. См.: например: ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. 1995, с. 358; Сочинения И. Пересветова. М. -Л. 1956, с. 153.

37. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. III. М. 1989, с. 56; КОБРИН В. Б., ЮРГАНОВ А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. - История СССР, 1991, N 4, с. 59 - 60.

38. Исключения делались лишь для больших праздников. Позже в соответствии с мусульманскими обычаями были запрещены так же азартные игры и игра на музыкальных инструментах. См: СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. III, с. 146, 336.

39. STOICESCU N. Curteni si slujitori. Bucuresti. 1968, p. 24.

40. Повесть о Дракуле. М. -Л. 1964, с. 118.

41. Цит. по: ЛУРЬЕ Я. С. Русские современники, с. 123; ЧЕРЕПНИН Л. В. ук. соч., с. 311 - 314.

42. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. ук. соч. Кн. III, с. 132; ЗИМИН А. А. Россия на рубеже, с. 214.

43. ЛУРЬЕ Я. С. Русские современники, с. 96 - 97.

44. ЗИМИН А. А. Россия на рубеже, с. 176, 199.

45. Там же, с. 186, 215, 226; ПСРЛ. Т. 6, с. 279; БОРИСОВ Н. С. Иван III. М. 2000, с. 613; ЗИМИН

А. А. Россия на пороге Нового времени. М. 1972, с. 62.

46. Цит. по: ЗИМИН А. А. Россия на пороге, с. 118; СКРЫННИКОВ Р. Г. История Российская IX-XVII вв. М. 1997, с. 229 - 230.

47. Цит. по: ЗИМИН А. А. Россия на пороге, с. 286; Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу. - Летопись занятий Императорской археографической комиссии за 1908 г. Вып. 21. СПб. 1909, с. 110.

48. An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 138.

49. КАШТАНОВ С. М. ук. соч., с. 25, 273; ФЛОРЯ Б. Н. ук. соч., с. 59; КОБРИН В. Б. Становление поместной системы. - Исторические записки. 1980. Т. 105, с. 157; его же. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М. 1985, с. 101; ГЕРБЕРШТЕЙН С. ук. соч., с. 113; Аграрный строй Османской империи, с. 99 - 101; Памятники русского права (ПРП). Вып. 4. М. 1956, с. 586.

50. ГЕРБЕРШТЕЙН С. ук. соч., с. 73; Михалон ЛИТВИН. О нравах татар, литовцев и москвитян, с. 94; История Востока. Т. 3. М. 1999, с. 79; ЗИМИН А. А. Наместническое управление в Русском государстве. - Исторические записки. Т. 94. 1974, с. 292 - 293; Сиасет-наме, с. 43; Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. I. М. 1977, с. 225; An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 987.

51. Сказания князя Курбского. М. 1842, с. 3.

стр. 51

52. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Боярская дума древней Руси. М. 1902, с. 331; КОБРИН В. Б. Иван Грозный. М. 1989, с. 63; ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Исследования по истории опричнины. М. 1963, с. 35.

53. АЛЬШИЦ Д. Н. Начало самодержавия в России. Л. 1988, с. 74.

54. ЗИМИН А. А. И. С. Пересветов и его современники. М. 1958, с. 312, 313, 331.

55. Сочинения И. Переспетова. М. -Л. 1956, с. 151 - 154.

56. Там же, с. 156.

57. КРЫМСКИЙ А. ук. соч., с. 161.

58. ДОЦЕНКО С. И. Развитие феодализма и государственная модель молдавского княжества в трудах русского публициста Ивана Пересветова. - Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М. 1988, с. 308; МОХОВ И. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1984, с. 201.

59. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Отец Петра Великого. М. 1996, с. 147; АЛЬШИЦ Д. Н. ук. соч., с. 73 - 83; РОЗАЛИЕВА Н. Ю. Османские реалии и российские проблемы в "Сказании о Магмет-салтане" и других сочинениях И. С. Пересветова. - Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М. 1990, с. 215; АҮКҮТ А. Ivan Peresvetov ve "Sultan Mahmet Menkibesi". - Belleten. Т. 46. Ankara. 1983, s. 861 - 873.

60. ЧЕРНОВ А. В. Образование стрелецкого войска. - Исторические записки. Т. 38. 1951, с. 285; его

же. Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII вв. М. 1954, с. 50; МАРКЕВИЧ В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб. 1994, с. 69; Очерки русской культуры XVI века. М. 1977, с. 307; Россия XV - XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 253, 256; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. ук. соч., с. 332, 334; Записки Манштейна о России. СПб. 1875, с. 309; Иностранцы о древней Москве. М. 1991, с. 63; МАРГОЛИН С. П. Вооружение стрелецкого войска - Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. XV. 1949, с. 93; БРАНДЕНБУРГ Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение - Оружейный сборник, 1871, N 4, с. 81; VERNADSKY G. Op. cit., p. 32.

61. ФЕДОРОВ В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М. 1949, с. 76; Очерки русской культуры XVI века, с. 357 - 358.

62. ЗИМИН А. А. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, с. 371.

63. ПРП. Вып. 4, с. 577, 584 - 586.

64. ПСРЛ. Т. 13, с. 271; Иностранцы о древней Москве, с. 55 - 57; ФЛЕТЧЕР Д. ук. соч., с. 75, 76.

65. Цит. по: ВАЛИШЕВСКИЙ К. Иван Грозный. М. 1912, с. 326.

66. РОЗАЛИЕВА Н. Ю. ук. соч., с. 216; ЗИМИН А. А. Комментарии. - Сочинения И. Пересветова. М. 1958, с. 287; БАХТИН А. Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России. - Вопросы истории, 2001, N 5, с. 55.

67. ШТАДЕН Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М. 1925, с. 112.

68. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный. Т. 1. Смоленск. 1996, с. 191.

69. ПРП. Вып. 4, с. 233 - 261.

70. Цит. по: ВАЛИШЕВСКИЙ К. ук. соч., с. 194; ГОРСЕЙ Дж. ук. соч., с. 91.

71. ШТАДЕН Г. ук. соч., с. ПО; ФЛЕТЧЕР Д. ук. соч., с. 49; Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. - Иностранцы о древней Москве, с. 66 - 67.

72. ПРП. Вып. 4, с. 367, 584 - 586.

73. Цит. по: КОПАНЕВ А. И., МАНЬКОВ А. Г., НОСОВ Н. Б. Очерки истории СССР. Конец XV - начало XVII вв. Л. 1957, с. 55.

74. СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 162.

75. История Югославии. Т. 1, с. 200; История крестьянства в Европе. Т. 3. М. 1986, с. 387; Сочинения И. Пересветова, с. 154, 286.

76. КАМЕНЦЕВА Е. И., УСТЮГОВ Н. В. Русская метрология. М. 1965, с. 95 - 96; ШТАДЕН Г. ук. соч., с. 99; МИЛЮКОВ П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб. 1892, с. 66 - 68.

77. ШТАДЕН Г. ук. соч., с. 113; КАМЕНЦЕВА Е. И., УСТЮГОВ Н. В. ук. соч., с. 86, 142; An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 987.

78. An Economic and Social History of Ottoman Empire, p. 65 - 66, 146 - 150; АБРАМОВИЧ Г. В.

Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI - первой четверти XVII века. - История СССР, 1972, N 3, с. 79 (табл. 5); ШАПИРО А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV-XVI вв.). Л. 1987, с. 104; ЗИМИН А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 394

79. Там же, с. 379 - 392.

80. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 265.

81. Там же, с. 265 - 266; ШТАДЕН Г. ук. соч., с. 85.

82. ЗИМИН А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 76 - 78

стр. 52

83. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1993, с. 141.

84. Цит. по: СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 273.

85. ПСРЛ. Т. 13, с. 227; КОПАНЕВ А. И. Население Русского государства в XVI в. - Исторические записки. Т. 64. 1959, с. 250 - 251.

86. ПСРЛ. Т. 13, с. 259, 285, 287; ВАЛИШЕВСКИЙ К. ук. соч., с. 182.

87. PELENSKY J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century. - Forschungen zur osteuropaische Geschichte. 1980. Bd. 27; ASHTOR E. A Social and Economic History of the Near East in the Middle Ages. Lnd. 1976, p. 20 - 22; ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Исследования по истории опричнины, с. 296 - 297; ЗИМИН А. А. Опричина Ивана Грозного. М. 1964, с. 86, 90.

88. СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 271, 282, 320.

89. ПСРЛ. Т. 13, с. 392 - 393.

90. КОРЕЦКИЙ В. И. Земский собор 1575 года и частичное возрождение опричнины - Вопросы истории, 1967, N 5, с. 38; ШТАДЕН Г. ук. соч., с. 85; Сказания князя Курбского, с. 4 (С. М. Соловьев считал, что Курбский имел в виду Софью, но множественное число, очевидно, указывает и на Марию Темрюковну); ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Исследования по истории опричнины, с. 41; КОБРИН В. Б. Иван Грозный, с. 69.

91. ПИГУЛЕВСКАЯ Н. В. и др. ук. соч., с. 294; КЛЮЧЕВСКИЙ В. Курс русской истории. Т. II. М. 1937, с. 189, 190. Сходство опричнины и двора османских султанов отмечал также VERNADSKY G. Op. cit, p. 32.

92. ПИГУЛЕВСКАЯ Н. В. и др. ук. соч., с. 294; ЗИМИН А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий, с. 248.

93. Цит. по: ЗИМИН А. А. Опричина Ивана Грозного, с. 254.

94. ГЕРБЕРШТЕЙН С. ук. соч., с. 118; в кн.: ВИППЕР Р. Ю. Иван Грозный. ПЛАТОНОВ С. Ф. Иван Грозный. М. 1998, с. 79; Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. - Русский исторический

журнал, 1922, Кн. 8, с. 36; СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь, с. 388 - 390, 402.

95. ФЛЕТЧЕР Д. ук. соч., с. 30, 41.

96. СКРЫННИКОВ Р. Г. История Российская, с. 414; ПАЙПС Р. Россия при старом режиме. М. 1993, с. 127; РЕЙТЕНФЕЛЬС Я. ук. соч., с. 312. См. также: ЛУКИН П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000, с. 28.

97. СКРЫННИКОВ Р. Г. Великий государь Иоан Васильевич Грозный, т. 2, с. 47, 144; ШТАДЕН Г. ук. соч., с. 110.

стр. 53